

ЖУРНАЛ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г.

№ 26

г. XLV

1914

Выходит еженедельно (52 № в год), с прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книг Литературных и популярно-научных приложений, 12 №№ „Новейших мод“ и 12 листов чертежей и выкроек.

Выданъ 28 июня 1914 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

НѢСКОЛЬКО ЛѢТЪ СЪ А. П. ЧЕХОВЫМЪ.

(Къ 10-лѣтію со дня его кончины).

Воспоминанія Н. Н. Потапенко.

Перепечатка воспрещается.

Десять лѣтъ прошло, а я до сихъ поръ не могъ написать о немъ ни строчки. Въ то время какъ другіе уже написали о немъ такъ много...

Меня часто спрашивали: почему?—и я самъ спрашиваю себя объ этомъ и вижу только одно: потому, что это тяжело.

Легко писать объ умершемъ, глядя со стороны: легко было писать о немъ, какъ о художникѣ, рассказчикѣ, драматургѣ. Но всемъ этимъ онъ для меня былъ не больше, чѣмъ для другихъ: предметомъ восхищенія. Главное же, чѣмъ онъ былъ для меня: человѣкомъ, котораго я нѣжно любилъ.

Не другомъ, — это я считаю нужнымъ сказать въ самомъ началѣ и думаю, что у него не было ни одного друга, — но товарищемъ въ самомъ прекрасномъ значеніи этого слова. Было у насъ много общей жизни, и, должно-быть, въ этомъ и отвѣтъ.

Какъ писать объ умершемъ, котораго любилъ живымъ? При всякомъ воспоминаніи плакать хочется. Еще недавно пошелъ смотрѣть его „Вишневый садъ“, и хотѣлось плакать, — не отъ нысы, не надъ судьбой героевъ, а о немъ.

Его судьба такъ похожа на судьбу вишневаго сада: и его также срубилъ безпощадный топоръ въ самомъ роскошномъ цвѣтѣ.

До сихъ поръ не могу примириться съ тѣмъ, что его нѣтъ. И даже не съ фактомъ, который нелѣпъ, нелогиченъ и грубъ, какъ все въ жизни, а съ ужасной несправедливостью...

А впрочемъ—безполезный разговоръ.

Юности я его не знаю. Моя первая встрѣча съ нимъ произошла, когда у него было уже хорошее литературное имя. Онъ вынулъ нѣсколько книгъ, былъ написанъ и поставленъ на сценѣ „Ивановъ“. Зародилась мысль о поѣздкѣ на Сахалинъ.

Я говорю только о встрѣчѣ. Какъ это ни странно, но знакомство наше началось не съ первой, а со второй встрѣчи.

Первая же была что-то смутное. Я жилъ тогда въ Одессѣ, писалъ въ мѣстныхъ газетахъ, служилъ въ городской управѣ. Моя прикосновенность къ литературѣ была самая скромная: нѣсколько новѣстуншекъ, не остановившихъ на себѣ ничего вниманія.

Гостила въ городѣ труппа московскаго Малаго театра, и прѣхалъ онъ. Обо мнѣ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, но ему напѣлъ про меня жиншій тогда въ Одессѣ его товарищъ по Таганрогской гимназій, писатель, впоследствии извѣстный толстовецъ, П. А. Сергѣенко, и привезъ его ко мнѣ на дачу.

По всей ифротности, онъ и самъ былъ удивленъ незначительностью и ненужностью этой встрѣчи. Я смотрѣлъ на него снизу вверхъ и ждалъ отъ него чего-то особеннаго.

Но онъ былъ не изъ тѣхъ, что любятъ производить впечатлѣніе. Напротивъ (это ужъ я потомъ, гораздо позже, разглядѣлъ), когда онъ замѣчалъ, что отъ него ждуть и, что называется, смотрятъ ему въ ротъ, онъ какъ будто старался какъ можно меньше отлучаться отъ себѣ. Онъ тогда пряталъ себя.

Поговорили о чемъ-то мѣстномъ и случайномъ, и онъ уѣхалъ, должно-быть, пожалѣвъ о потраченномъ времени.

Когда потомъ, года черезъ четыре, мы встрѣтились въ Москвѣ, мы точно въ первый разъ увидѣли другъ друга. Одесская встрѣча не оставила никакихъ слѣдовъ.

Сближеніе наше шло очень медленно, — въ этомъ отношеніи мы оба были люди трудные. У меня это происходило скорѣе отъ неуверенности въ себѣ, у него же, какъ я думаю, отъ осторожности.

Его всегдашнее спокойствіе, ровность, внѣшній холодъ какой-то, казавшейся непроницаемой, броней окружали его личность. Казалось, что этотъ человѣкъ тщательно бережетъ свою душу отъ посторонняго глаза.

Но это не такъ скрываетъ,

когда человѣкъ сознательно прячетъ что-то такое, что ему неудобно показать и выгоднѣе держать подъ прикрытіемъ. Итъ, это было нѣчто совсѣмъ другое, чего я долго не могъ понять въ немъ, а потомъ — не знаю, понялъ ли, или только придумалъ для себя правдоподобное объясненіе.

Мнѣ кажется, что онъ весь былъ творчество. Каждое мгновенье, съ той минуты, какъ онъ, проснувшись утромъ, открывалъ глаза, и до того момента, какъ ночью смыкались его вѣки, онъ творилъ непрестанно. Можетъ-быть, это была подсознательная творческая работа, но она была, и онъ это чувствовалъ.

Творчество стыдливо, и у него это было выражено ярче, чѣмъ у кого другого. Никогда онъ не писалъ въ присутствіи кого бы то ни было.

Каждому художнику слова вѣдомо это ощущеніе: работая въ присутствіи другого, онъ чувствуетъ, какъ будто тотъ слышитъ его мысли, видитъ образы, возникающіе въ его головѣ, слѣдить глазами за ихъ чеканкой, отдѣлкой, за всѣми интимными процессомъ творчества. Это — мучительное чувство, котораго обыкновенно не понимаютъ и не признаютъ домашніе, близкіе.

„Я тебѣ не номѣшаю?..“ — говоритъ жена или сестра, садится рядомъ и читаетъ книгу и... мѣшаетъ, потому что мысли и образы стыдятся, блѣднѣютъ, прячутся.

Но я зналъ писателей, которые свыкались съ этимъ, — конечно, по необходимости, за отсутствіемъ мѣста, и работа ихъ теряла въ качествѣ. Я зналъ одного, который долженъ былъ писать, держа на колѣняхъ ребенка, потому что иначе было нельзя. И это была трагедія, которую онъ покорно переносилъ съ улыбкой.

Творческая работа Чехова чужого глаза совсѣмъ не переносила, и такъ какъ онъ творилъ всегда и даже въ непосредственное сопряженіе съ жизнью и съ людьми вступалъ какъ-то особенно, по-своему, творчески, то ему нужно было прятать эту работу, и вотъ почему самые близкіе люди всегда чувствовали между нимъ и собою нѣкоторое разстояніе.

И потому я утверждаю, что у Чехова не было друзей. То обстоятельство, что послѣ его смерти объявилось великое множество его друзей, я не склоненъ объяснять ни тщеславіемъ ни самозванствомъ. Я увѣренъ, что эти люди вполне искренно считали себя его друзьями и по своему настроенію таковыми и были, т.-е. они любили его настоящей дружеской любовью и готовы были открыть передъ нимъ всю душу. Можетъ-быть, и открывали, и навѣрно такъ — у него было то неотразимое обаяніе, которое каждую душу заставляло отдаваться ему, — потому-то онъ и зналъ такъ хорошо тончайшія извилины человѣческой души. Но онъ-то свою не раскрывалъ ни передъ кѣмъ.

Можетъ-быть, это-то знаніе, эта изумительная способность видѣть человѣка насквозь и была причиной того, что онъ не могъ никого близко поддуть къ своей душѣ. Душа эта была кака-то необыкновенно правильная. Бываютъ счастливыя съ изумительно симметрическимъ сложениемъ тѣла. Все у нихъ въ идеальной пропорціи. Такое тѣло производитъ впечатлѣніе чарующей красоты.

У Чехова же была такая душа. Все было въ ней — и достоинства и слабости. Если бы ей были свойственны только одни положительные качества, она была бы такъ же односторонняя, какъ душа, состоящая изъ однихъ только пороковъ.

Въ дѣйствительности же въ ней на ряду съ великодушіемъ и скромностью жили и гордость и тщеславіе, рядомъ съ справедливостью — пристрастіе. Но онъ умѣлъ, какъ истинный мудрецъ, управлять своими слабостями, и оттого онъ у него приобрѣтали характеръ достоинствъ.

Удивительная сдержанность, строгое отношеніе къ высказываемымъ имъ мнѣніямъ, взвѣшивание каждаго слова придавали ка-кой-то особенный вѣсъ его словамъ, благодаря чему они приобрѣтали характеръ приговора.

П. Е. Чеховъ, отецъ писателя.

Е. А. Чехова, мать писателя.

А. П. Чеховъ въ 1879 г. тотчасъ по получении аттестата зрѣлости.

Можетъ-быть, это оттого, что наибольше искрення воспоминанія относятся къ послѣднему періоду его жизни, къ тому времени, когда полную власть надъ его организмомъ взяла болѣзнь, и онъ, сознательно или нѣтъ, тщательно берегъ свои силы. Обстоятельства такъ сложились, что въ эти годы, прожитые имъ въ Крыму, я его не видѣлъ.

Въ тотъ же періодъ, когда мы съ нимъ встрѣчались въ Москвѣ и Мелиховѣ, отчасти въ Петербургѣ, онъ не былъ такъ бережливъ. Можно жалѣть объ этомъ съ точки зрѣнія нашей художественной жадности. Если бы онъ и тогда берегъ свои силы, можетъ-быть, организмъ его смогъ бы дольше бороться съ недугомъ, и мы владѣли бы еще нѣсколькими чудными художественными созданіями.

Можетъ-быть. Но жизнь предъявляетъ свои права, и художника, носителя божественнаго огня, такъ же неотразимо влечетъ къ ней, какъ и простого „поденщика ненужнаго“.

Можетъ-быть, я не знаю Москвы, или пребываніе мое въ ней въ теченіе двухъ-трехъ зимъ какъ-нибудь особенно сложилось, но у меня осталось такое впечатлѣніе: тамъ люди дома работаютъ въ одиночку, посѣщаютъ другъ друга по дѣламъ и въ семейные праздники. Когда же хотѣть собраться тѣснымъ кружкомъ для дружеской бесѣды, то идутъ въ ресторанъ, обыкновенно по окончаніи всѣхъ дѣлъ, послѣ театра, поздно за полночь и сидятъ долго, до утра.

А въ ресторанахъ — вино, и съ каждымъ получасомъ бесѣда становится живѣй и горячѣй. Подъ утро ѣдутъ за городъ слушать цыганъ, а возвращаются домой подъ звонъ колоколовъ, призывающихъ къ заутренѣ.

А днемъ какимъ-то чудомъ встаютъ во-премя, откуда-то набираются бодрости и силы и занимаются дѣлами.

Чеховъ жилъ тогда въ Мелиховѣ, своемъ имѣніи, которое купилъ нѣсколько лѣтъ раньше, и довольно часто прѣзжалъ въ Москву. Останавливался онъ обыкновенно въ Большой Московской гостиницѣ, но мнѣ, послѣ долгихъ хлопотъ, удалось наконецъ уговорить его останавливаться у меня.

А жилъ я на Большой Никитской, занимая двѣ скромныя меблированныя комнаты въ нижнемъ этажѣ.

Признаюсь, всякій его прѣздъ былъ для меня праздникомъ, да и не для меня только, а и для всѣхъ членовъ небольшого кружка.

Сейчасъ же объ этомъ послышалось извѣстіе въ „Русскія Вѣдомости“ Михаилу Алексѣевичу Саблину, который пошелъ бы за обѣду, если бы узналъ объ этомъ не первый. Создатель „Русскихъ Вѣдомостей“, почтеннаго возраста человекъ — лѣтъ на двадцать

Читая многочисленныя воспоминанія о Чеховѣ, я получаю странное впечатлѣніе: все какъ будто боится, чтобы онъ хоть на минуту не показался чело-вѣкомъ съ горячею кровью, съ живыми человѣческими страстями и человѣческими слабостями.

А. П. Чеховъ—студентъ (1881 г.).

старше каждаго изъ насъ, онъ питалъ трогательную нѣжность къ Антону Павловичу. Всегда занятый по газетѣ (онъ завѣдывалъ хозяйственной частью), съ виду суровый и, благодаря своей комплекціи, нѣсколько тяжеловатый на подъемъ, онъ оживлялся и обращался въ юношу, когда прѣзжалъ Чеховъ, и ужъ тутъ дни и вечера, сколько бы ихъ ни было, превращались въ праздники.

Намъ и безъ того приходилось завтракать и обѣдать въ трактирахъ. Но это дѣлалось, какъ нѣчто неизбежное, а тутъ все это пріобрѣтало своего рода торжественность.

Москвичъ и знатокъ Москвы, М. А. Саблинъ зналъ, гдѣ что нужно ѣсть и пить. Завтракать, напримѣръ, было необходимо у Тѣстова, и притомъ въ видѣ закуски ѣсть не иначе, какъ грудинку, вынутую изъ шей.

Другой великій знатокъ этого дѣла, Вуколъ Михайловичъ Лавровъ, зналъ потаенные уголки, гдѣ можно было получить какую-то необыкновенную ветчину и изумительную блорыбницу, которая таяла во рту, какъ масло. Съ этой цѣлью ѣздили куда-то далеко, на невѣдомый мнѣ край Москвы, въ мѣста, куда я безъ посторонней помощи ни за что не попалъ бы.

Въ дальнѣйшій репертуаръ входила Большая Московская, „Армитажъ“, а иногда и путешествіе за городъ на тройкѣ.

Любилъ отдыхать съ нами В. А. Гольцевъ. По-

А. П. Чеховъ—студентъ (IV курса).

пивая красное вино, которое было вредно для его сердца, онъ держалъ остроумныя, но-дчасъ ѣдкія рѣчи и поддерживалъ дружески-высокой тонъ.

Послѣ спектакля иногда урывалъ часъ — другой и прѣзжалъ А. И. Южинъ; вмѣстѣ съ нимъ выступали на очередь театральныя темы, а красное вино замѣнялось шипучимъ.

А. П. Чеховъ въ 1884 г., тотчасъ по окончаніи курса университета.

Антонъ Павловичъ иногда ворчалъ и слегка упирался, но его легко было уговорить. Не могъ же онъ не принимать въ расчетъ, что все это — по случаю его прѣзда, и не рѣшился бы нанести кровную обиду М. А. Саблину, который въ его обществѣ молодѣлъ на двадцать лѣтъ.

И онъ, легонько покашливая, съ чуть-чуть сердитымъ лицомъ, покорно ѣхалъ, а потомъ оживлялся, вступалъ въ дружескій споръ съ Гольцевымъ и былъ неистощимъ по части очаровательныхъ, до-упаду смѣшныхъ, глупостей и милыхъ неожиданностей, въ которыхъ онъ былъ неподражаемый мастеръ.

В. М. Лавровъ, нашъ общій пріятель, бывалъ съ нами рѣдко, и то это ужъ означало какой-нибудь тяжеловѣсный обѣдъ съ сложной программой и „посторонними“ участниками, т.-е. людьми хорошо знакомыми, но не близкими.

И ужъ тутъ была обязательна его рѣчь — своеобразная, почти отъ начала до конца казавшаяся безнадежно-запутанной, съ отступленіями, съ полутными анекдотами, съ невѣроятными, но необыкновенно характерными словеч-

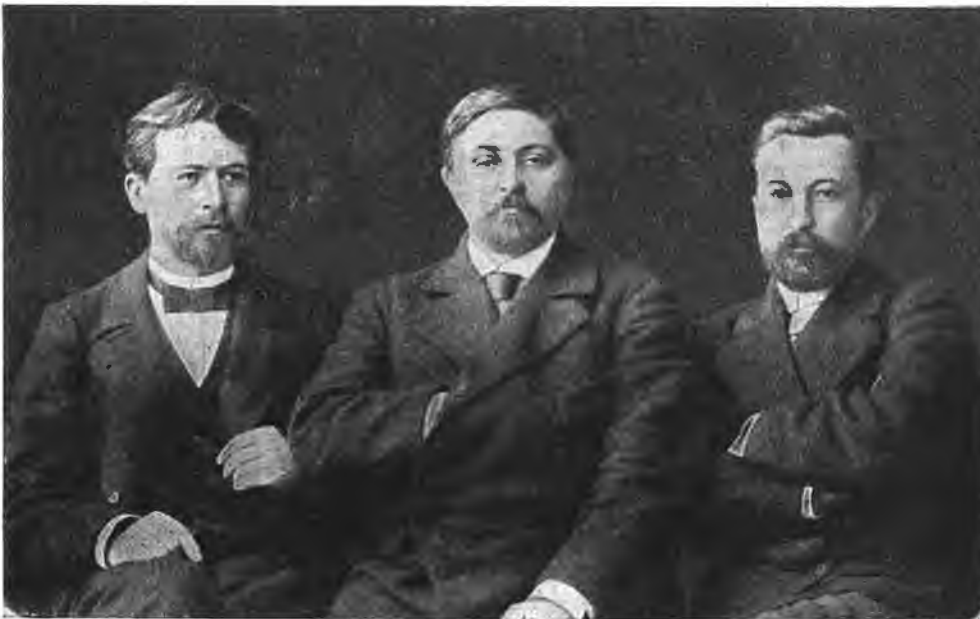
А. П. Чеховъ.

ками, но всегда кончавшаяся какой-нибудь яркой и уморительной неожиданностью.

Раньше, когда я мало знал его, я всегда при началъ его рѣчи испытывалъ опасеніе, что вотъ человекъ зайдетъ въ такіа дѣбри, откуда ему никогда не выпутаться. Но потомъ я бывалъ спокоенъ за конецъ и всегда находилъ въ его рѣчахъ своеобразную прелесть.

Не могъ обойтись безъ рѣчи, конечно, и В. А. Гольцевъ, великій мастеръ дружескихъ рѣчей, щедро расточавшій краснорѣчіе, умъ, а также и ядъ, которымъ, впрочемъ, онъ никого не отравлялъ.

Зато домосѣдъ В. М. Лавровъ иногда ознаменовывалъ прїѣздъ Чехова изъ деревни чѣмъ-то въ родѣ раута у себя дома. Это были безконечно длительные, вкусные, сытые, съ обильнымъ возлїаніемъ и достаточно веселые обѣды, многолюдные и рѣчи-стые, затягивавшіеся далеко за полночь и носившіе на себѣ отпечатокъ самобытности хозяина. Чехова они утомляли, и потому (однакожь единственно поэтому) онъ шелъ на нихъ неохотно, но личность В. М. Лаврова его сильно интересовала.

А. П. Чеховъ.

Д. Н. Мамнѣ-Сибирякъ.

М. Н. Потапенко.

Это былъ самородокъ „своей собственной складки“. Человекъ, образовавшій себя исключительно своими личными усилїями, от-даншій состояніе на литературу и затѣмъ весь ушедшій въ свой журналъ—„Русская Мысль“.

Къ изумленію, я узналъ однажды, что онъ также и самоучка-математикъ и, въ качествѣ такового, въ молодости получилъ даже какую-то почетную премию въ Англии за рѣшеніе объявленной математической задачи.

Страстный любитель литературы, онъ читалъ все, выходящее въ свѣтъ. Писатели были его первые гости: подаренный ему экземпляръ съ автографомъ онъ принималъ трепетными руками и несъ въ свой шкафъ бережно, какъ святыню.

Но это, разумеется, не мѣшало ему въ издательскомъ дѣлѣ быть кунцомъ, а гдѣ надо—слегка и исприжать того же самого писателя.

Онъ прекрасно зналъ польскій языкъ (кстати, никогда не хотѣлъ объяснить, гдѣ онъ ему научился) и былъ не только почитателемъ, но и несомнѣнно лучшимъ переводчикомъ польскихъ авторовъ.

Помню, какъ однажды, благодаря этому своему пристрастію, онъ поставилъ въ довольно странное положеніе цѣлое общество пречтенныхъ писателей, въ томъ числѣ, если память мнѣ не изменяетъ, и Чехова.

Въ Польшѣ праздновали юбилей (кажется, 25-лѣтней литературной дѣятельности) Генриха Сенкевича. Лавровъ, который перевелъ и помѣстилъ въ „Русской Мысли“ почти всѣ произведенія этого автора и находился съ нимъ въ перепискѣ, разумеется, не преминулъ и въ Москвѣ устроить юбилейный обѣдъ. Въ Эрмитажѣ собралось человекъ двадцать пять литераторовъ, говорившихъ рѣчи, и пили за единеніе народностей, за польскую литературу и за талантливаго ея представителя, польскаго юбиляра. Все было искренно, трогательно и хорошо.

Въ заключеніе послали юбиляру въ Варшаву сердечное поздравленіе, подъ которымъ всѣ подписались поименно.

На слѣдующій день на имя Лаврова была получена отъѣтная телеграмма отъ юбиляра:

„Благодарю, если это искренно“.

Бѣдный Лавровъ долго послѣ этого ни съ кѣмъ не заговаривалъ о польской литературѣ.

Въ Москвѣ Чеховъ оставался по нѣскольку дней, но въ эти дни ничего не писалъ. Его манера работать вдвѣли отъ людскихъ глазъ—здѣсь, гдѣ онъ былъ постоянно на виду у всѣхъ, была неосуществима. А главное—здѣсь не было его уютнаго кабинета, съ которымъ у него было связано уже столько творческихъ воспоминаній.

Зато и утѣжалъ онъ внезапно, словно по какому-то неотразимому внутреннему побужденію. Вотъ сегодня собралась въ театръ, взяла билетъ, и онъ интересовался пьесой, стремился. Или кто-нибудь позвалъ его вечеромъ, и онъ общался. Все равно—неотразимое побужденіе было сильнѣе всего.

Просто ему надоѣло довольно-таки безмысленное шумное времяпрепровожденіе московское, и потянуло въ тихое Мелихово, въ его кабинетъ, или, можетъ-быть, въ душѣ созрѣло что-нибудь, требовавшее немедленнаго занесенія на бумагу. И онъ утѣжалъ, несмотря ни на что.

А случалось и такъ, что внезапно утѣжалъ онъ, чтобы избѣжать чего-нибудь предстоящаго, что было ему неприятно.

Надо сказать правду, надоѣдали ему очень, особенно, когда онъ останавливался въ Большой Московской гостиницѣ. Стучались въ дверь люди, которыхъ онъ не зналъ, и которые, въ сущности, не имѣли никакого права отнимать у него время и покой.

У многихъ есть такой взглядъ на писателя, что не только произведенія его, но и онъ самъ есть общественное достояніе. И приходять и свѣдять, но русскому безобразному обычаю, часы, цѣлый вечеръ, говорить о себѣ, задаютъ умные вопросы или молчатъ, заставляя такъ или иначе занимать ихъ.

Конечно, можно не принять или, принявъ и убѣдившись, что попустому, отвалить, и есть такіе рѣшительные писатели, что даже на дверяхъ дѣлаютъ устрашающія надписи.

Но Чеховъ этого не умѣлъ и не считалъ себя въ правѣ. Онъ страдалъ неизлѣчимою боязнью: какъ бы не обидѣть человека.

А въ гостиницѣ у него былъ „свой“ номеръ (кажется, пятый), который и потомъ долго еще назывался „Чеховскимъ номеромъ“, и это знали, и туда стучались.

Но съ незнакомымъ человекомъ еще какъ-нибудь можно раздѣлаться, если занять,—пу, сослаться на эту занятость. Но бывало хуже: друзья, вотъ именно изъ тѣхъ, что въослѣдствіи, послѣ его смерти, почувствовали себя его друзьями и повѣдали объ этомъ міру.

Иной „другъ“ прїѣхалъ по своимъ дѣламъ изъ Петербурга и, благополучно окончивъ свои дѣла, рѣшилъ провести вечерокъ съ Чеховымъ. Тутъ ужъ, при его исключительной боязни обидѣть,—для него была настоящая бѣда.

Я зналъ, напримѣръ, одного писателя (нынѣ умершаго), который считалъ себя закадычнымъ другомъ Чехова, и Антонъ Павловичъ относился къ нему искренно и сердечно, но совершенно не могъ выносить его, какъ онъ говорилъ, „трагическаго смѣха“.

И помню, что однажды, пробывъ въ Москвѣ только одинъ день, А. П. пришелъ домой и объявлялъ, что сейчасъ же утѣжается въ Мелихово.

— Почему?

— Встрѣтилъ Н. Вчера прїѣхалъ. Остановилъ извозчика, заключилъ меня въ объятія, узналъ, что я живу здѣсь, и объявилъ, что сегодня придетъ къ намъ на пѣсь вечеръ. Вотъ и тебѣ велѣлъ кланяться. Ну, такъ ты ужъ его прими, а обо мнѣ скажи... ну, скажи, что хочешь.

И сколько я ни доказывалъ ему, что это можно устроить какъ-нибудь прощѣ—уйти куда-нибудь, послать Н. записку—онъ оставался непоколебимъ:

— Все равно, онъ найдетъ меня и будетъ смѣяться. Вѣдь онъ юмористъ и ужасно любить смѣяться,—а это трагедія.

И онъ въ тотъ же день утѣхалъ въ деревню, несмотря на то, что у него въ „Русской Мысли“ было дѣло, для котораго онъ вновь прїѣхалъ въ Москву дней черезъ пять.

Но къ чему онъ чувствовалъ необходимый, почти паническій ужасъ, такъ это къ торжественнымъ выступленіямъ, въ особенности если подозрѣвалъ, что отъ него потребуется активное участіе.

Мнѣ памятенъ одинъ прїѣздъ въ Москву покойнаго Д. В. Григоревича. Въ Петербургѣ передъ этимъ былъ справленъ его юбилей. Было что-то необыкновенно торжественное, кажется—единственное и небывалое въ лѣтописяхъ литературы.

Такъ какъ писатель иногда номѣщаль свои вещи въ „Русской Мысли“, то В. М. Лавровъ захотѣлъ устроить ему въ Москвѣ „филиальное чествованіе“.

Конечно, это не могло быть даже и тенью петербургского юбилея, но все же — „Эрмитаж“, несколько десятков приглашенных, заранее предусмотренные рѣчи.

Само собою разумеется, что был специальный расчет на присутствие в Москвѣ Антона Павловича. Съ одной стороны, хотѣлось показать петербургскому литератору лучшее, что есть в литературной Москвѣ, и чѣмъ она гордится, а съ другой — имелись въ виду особые отношенія между Чеховымъ и Григоровичемъ.

Вѣдь старый писатель первый замѣтилъ талантъ Чехонте въ его маленькихъ рассказахъ, печатавшихся въ сатирическихъ журналахъ, обратилъ на него вниманіе Суворина, написалъ ему трогательное отеческое письмо.

Наконецъ, разочарованіе Лаврова и всѣхъ прочихъ... — И тутъ онъ началъ приводить свои доводы:

— Вѣдь это же понятно. Я былъ открытъ Григоровичемъ и, следовательно, долженъ сказать рѣчь. Не просто говорить что-нибудь, а именно рѣчь. И при этомъ непременно о томъ, какъ онъ меня открылъ. Иначе же будетъ нелюбезно. Голосъ мой долженъ дрожать, и глаза наполниться слезами. Я, положимъ, этой рѣчи не скажу, меня долго будутъ толкать въ бокъ, я все-таки не скажу, потому что не умѣю. Но встанетъ Лавровъ — и расскажетъ, какъ Григоровичъ меня открылъ. Тогда подымется самъ Григоровичъ, подойдетъ ко мнѣ, протянетъ руки и заключитъ меня въ объятія и будетъ плакать отъ умиленія. Старые писатели любятъ поплакать. Ну, это его дѣло, но самое главное,

Редакція и сотрудники журнала „Русская Мысль“. Группа, снятая во время пребывания А. П. Чехова въ Москвѣ.

Сидятъ: И. И. Ивановъ, М. Н. Ремезовъ, А. П. Чеховъ и В. Ж. Лавровъ. Стоятъ: В. А. Гоальцевъ, И. Н. Потапенко, М. А. Сабанинъ.

Ивановъ   *М. Ремезовъ*   *Чеховъ*   *М. Потапенко*   *Лавровъ*   *Гоальцевъ*   *Сабанинъ*

Антону Павловичу все это было поставлено на видъ — и ужъ само собою разумеется, что онъ будетъ украшеніемъ „филиального чествованія“.

А. П. впалъ въ мрачность. Цѣлый день съ нимъ ни о чемъ нельзя было говорить. Онъ, обыкновенно ко всему и ко всѣмъ относившійся съ добродушной терпимостью, для всѣхъ находившій извиняющія объясненія, вдругъ сдѣлался строгъ ко всему и ко всѣмъ, просто огрызнулся, такъ что лучше было къ нему не приставать.

Къ вечеру онъ сталъ мягче. Къ нему вернулся его обычный юморъ, и онъ отъ времени до времени прерывалъ свое молчаніе отрывочными фразами изъ какой-то невѣдомой, повидимому, рѣчи:

— „Глубокоуважаемый и досточтимый писатель... Мы собрались здѣсь тѣсною семьей...“ — Потомъ, послѣ молчанія, опять: — „Наша дружная писательская семья, въ вашемъ лицѣ, глубоко-чтимый...“

- Что это ты? — спросилъ я.
- А это я изъ твоей рѣчи, которую ты скажешь на обѣдѣ въ честь Григоровича.
- Почему же изъ моей? Ты бы лучше изъ своей что-нибудь.
- Такъ я же завтра уѣзжаю.
- Куда?
- Въ Мелихово.
- Я возмущенъ:
- Какъ же такъ? Григоровичъ, его письмо... Такія отношенія...

что и я долженъ буду плакать, а я этого не умѣю. Словомъ, я не оправдаю ничьихъ надеждъ. Вѣдь ты же на себѣ испыталъ, что значить не плакать отъ умиленія.

Тутъ А. П. имѣлъ въ виду маленькую исторію, которая произошла со мной года три раньше, когда Академія поощрила меня половиной Пушкинской преміей. Д. В. Григоровичъ, участвовавшій въ засѣданіи, оказалъ мнѣ совершенно исключительную и ужасно трогательную любезность: прямо изъ Академіи пріѣхалъ ко мнѣ, котораго къ тому же не зналъ и никогда не видалъ, — чтобы сообщить о лестномъ для меня событіи.

И что же? Я огорчилъ его. Смущенный, растерявшійся, я только и могъ пожать его руку и простыми словами, какъ умѣлъ, высказать ему благодарность. И старикъ потомъ кому-то жаловался, вспоминая, какъ къ прежнія времена писатели были отзывчивы, приводилъ извѣстный рассказъ о встрѣчѣ Бѣлинскаго съ Достоевскимъ...

А все то, что говорилъ Чеховъ, совсѣмъ не казалось ему шуткой. Онъ дѣйствительно испытывалъ страданіе, представляя себя героемъ нарисованной имъ сцены. И въ сущности, сцена была изображена вполне правдиво. Такъ именно и должно было произойти.

И вотъ за два дня до юбилейнаго обѣда, когда изъ Петербурга была получена телеграмма, что юбиляръ пріѣдетъ, Антонъ Павловичъ уложилъ свои дорожныя вещи и уѣхалъ въ деревню, сдѣлавъ мнѣ на прощанье такого рода отвѣтственное порученіе:

Домъ, въ которомъ родился А. П. Чеховъ (Таганрогъ, Чеховская улица 47), написавъ первая свои произведения и проживавъ во время прїздовъ въ Таганрогъ.

— А ты тамъ какъ-нибудь ужь... уладь. Главное, успокой Лаврова.

Но уладить было трудно. В. М. Лавровъ чуть не заболѣлъ, когда узналъ о бѣгствѣ А. П. Самый главный кирпичъ изъ его великолѣпной постройки выпалъ, и самая постройка грозилась развалиться.

Но, разумеется, все обошлось. Гриворовичъ прїѣхалъ, вѣдъ состоялся.

Я на вѣкъ оскандалился на всю жизнь: внявъ увѣщаніямъ В. А. Гольцева, покусился на рѣчь о Чеховѣ, т.-е. о томъ, какъ онъ страстно желалъ быть на обѣдѣ, чтобы самому лично и т. д. — но болѣзнь заставила его уѣхать въ деревню. И Господь наказалъ меня за ложь.

Съ первыхъ же словъ я, никогда еще въ жизни не выступавшій съ публичными рѣчами, сбился. Я только и успѣлъ упомянуть объ Антонѣ Павловичѣ Чеховѣ, который...

А милый старикъ, вида, должно-быть, мое затрудненіе, сейчасъ же и выручилъ меня и самъ заговорилъ о Чеховѣ, о томъ, какъ онъ открылъ его талантъ, о его письмахъ, словомъ — все то, что мы теперь такъ хорошо знаемъ.

Въ Мелиховѣ А. П., окруженный родными, велъ тихую жизнь, наполненную чтеніемъ книгъ, которыхъ выписывалъ множество, и исторопливой работой. Жили тутъ втецъ его, Павелъ Егорычъ, мать, Евгенія Яковлевна, сестра, Марья Павловна, и младшій братъ, Михайлъ Павловичъ.

Но, несмотря на присутствіе въ домѣ старшихъ родныхъ, главой его былъ А. П. Во всемъ господствовали его вкусы, все дѣлалось такъ, чтобы ему нравилось.

Къ матери своей онъ относился съ нѣжностью, отцу же оказывалъ лишь сыновнее почтеніе, — такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось. Предоставляя ему все, что нужно для обстановки спокойной старости, онъ помнилъ же, какой деспотизмъ въ тѣ времена, когда въ Таганрогѣ главой семьи и кормильцемъ былъ еще онъ. Въ нѣжныя минуты, указывая на старика, который теперь сталъ тихимъ, мирнымъ и благожелательнымъ, онъ вспоминалъ, какъ, бывало, тотъ заставлялъ дѣтей усердно посѣщать церковныя службы и при недостаткѣ усердія не останавливался и передъ снятіемъ штанишекъ и постиганіемъ по обнаженнымъ мѣстамъ.

Конечно, это вспоминалось безъ малѣйшей злобы, но, видимо, оставило глубокой слѣдъ въ его душѣ. И онъ горючилъ, что отецъ тогда былъ жестокимъ человѣкомъ.

И не только того не могъ простить А. П. отцу, что онъ сѣкъ его, — его, душѣ котораго было невыносимо всякое насиліе, — но и того, что своимъ одностороннимъ — религіознымъ воспитаніемъ онъ омрачилъ его дѣтство и, вызвавъ въ душѣ его протестъ противъ деспотическаго навязыванія вѣры, лишилъ его этой вѣры.

„Когда я теперь вспоминаю о своемъ дѣтствѣ, — говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ И. Л. Щеглову: — то оно представляется мнѣ довольно мрачнымъ. Религія у меня теперь нѣтъ. Знаете, когда, бывало, я и два мои брата среди церкви пѣли тріо „Да исправится“ или же „Архангельскій гласъ“, ва насъ всѣ смотрѣли съ умиленіемъ и завидовали

моимъ родителямъ, мы же въ это время чувствовали себя маленькими каторжниками.“

И далѣе, говоря о школьникахъ извѣстнаго въ то время педагога Рачинскаго: „если въ ихъ душахъ радость, то они счастливые меня и братьевъ, у которыхъ дѣтство было страданіемъ“.

И хотя въ то время все это уже давно кончилось, и старикъ уже совершенно пересталъ быть дѣйствующимъ лицомъ въ его жизни, а только сидѣлъ и, постоянно молясь и читая душевнеспасительныя книги, беззаботно доживалъ свой вѣкъ, радуясь знаменитости своего сына, и хотя А. П. относился къ нему дружески и почтительно и ни единымъ намекомъ не упоминалъ о прошломъ, но прошлое оставило слишкомъ глубокой слѣдъ въ чуткой душѣ и не было забыто.

И мнѣ всегда казалось, что къ отцу онъ относился безъ той теплоты, которая согрѣвала его отношеніи къ матери, сестрѣ и братьямъ. Особенно же къ матери, которая при таганрогскомъ главенствѣ Павла Егорыча едва ли имѣла нѣ семей тотъ голосъ, на какой имѣла право. Теперь, когда главой семьи сдѣлался А. П., она получила этотъ голосъ.

И ужъ платила она ему какой-то благоговѣйной нѣжностью. Казалось, забота о томъ, чтобы всякое желаніе А. П. было тотчасъ же, какъ по шучьему желанію, исполнено, составляла цѣль ея жизни. Всякая перемена въ его настроеніи отражалась въ ея лицѣ. Его привычки и маленькіе капризы были изучены. Ему, напримѣръ, не нужно было заявлять о томъ, что онъ хочетъ ѣсть, и пора подавать обѣдъ или ужинъ, а стоило только остановиться передъ стѣнными часами и взглянуть на нихъ. Въ ту же минуту она была тревогу, вскакивала, бѣжала на кухню и торопила все и всѣхъ.

Братья его въ то время были уже взрослые люди, и каждый занималъ опредѣленное положеніе. Старшій, Александръ Павловичъ, жилъ въ Петербургѣ, и я не имѣлъ возможности близко наблюдать его отношенія къ А. П. Другіе же, Иванъ и Михайлъ, къ которымъ онъ относился по-товарищески, помимо чисто братской привязанности, выдѣляли его, какъ главу семьи, благодаря таланту котораго скромное и дотошъ невѣдомое имя — Чеховъ — было окружено почетнымъ ореоломъ.

Когда въ Мелихово прїѣзжали гости, которые были Антону Павловичу прїятны, онъ превращался въ заботливаго хозяина и проявлялъ самое радушное гостепрїимство и главное — заботу о томъ, чтобы всѣ были сыты и хорошо спали.

Въ изданныхъ письмахъ А. П. онъ часто упоминаетъ о томъ, что я пѣлъ въ Мелиховѣ. Это правда. Музыкой и пѣніемъ въ Мелиховѣ были наполнены наши дни. Хорошая музыкантка Л. С. Мизина, большая прїятельница А. П. и всей его семьи, садилась за рояль, я пѣлъ. А Антонъ Павловичъ обыкновенно заказывалъ тѣ вещи, которыя ему особенно нравились. Большимъ расположеніемъ его пользовался Чайковскій, и его романсы не сходили съ нашего репертуара.

Но въ письмахъ А. П. стыдливо умалчалъ о томъ, что и онъ самъ пѣлъ, — правда, не романсы, а церковныя пѣснопѣнія. Имъ научился онъ въ дѣтствѣ, когда подъ руководствомъ отца пѣлъ въ церкви.

У него былъ довольно звучный басокъ. Онъ отлично зналъ церковную службу и любилъ составлять домашній импровизированный хоръ. Пѣли тропари, кондаки, стихиры, пасхальные ирмосы. Присаживалась къ намъ и подтѣвала и Марья Павловна, сочувственно гудѣлъ Павелъ Егорычъ, а Антонъ Павловичъ основательно держалъ басовую партію.

И это, видимо, доставляло ему искреннее удовольствіе. Глядя на его лицо, казалось, что въ такіе часы онъ чувствовалъ себя ребенкомъ.

Таганрогская мужская гимназія, въ которой учился А. П. Чеховъ.

И не знаю, какъ онъ работалъ, когда былъ одинъ. Этого, кажется, никто не знаетъ. Можетъ-быть, тогда онъ сидѣлъ за столомъ, не отрываясь. Но въ тѣ дни, когда въ Мелиховѣ бывали гости, онъ почти все время былъ съ ними.

Но несомнѣнно, онъ и тогда работалъ. Творческая дѣятельность не покидала его ни на минуту. И случалось, что во время шумнаго разговора или музыки онъ вдругъ исчезалъ, но не надолго, черезъ нѣсколько минутъ онъ появлялся, и оказывалось,

что въ это время онъ былъ у себя въ кабинетѣ, гдѣ написалъ двѣ-три строчки, которыя сложились въ его головѣ. Такъ дѣлалъ онъ довольно часто въ теченіе дня.

Но вечеромъ, когда, около полуночи, все расходилось по своимъ комнатамъ, ложились въ постели, и въ домѣ потухали огни, въ его кабинетѣ долго еще горѣла лампа. Тогда онъ работалъ, какъ хотѣлъ, иногда засиживаясь долго, а на другой день вставать позже другихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).